

Отношение к перераспределению доходов и социальная мобильность: объективные и субъективные индикаторы¹

Научные дискуссии и политические дебаты по поводу “необходимого” и “избыточного”, “справедливого” и “несправедливого” неравенства опираются на объективные показатели неравенства и в основном сфокусированы на политике перераспределения доходов, главная роль в которой отведена государству. При этом политика перераспределения нуждается в поддержке населения и предусматривает, с одной стороны, запрос на перераспределение доходов в обществе, а с другой, готовность людей участвовать в этом процессе, то есть платить налоги. Соответственно, степень запроса на перераспределение, отношение к неравенству, уровень доверия к государству во многом определяют социально-политический климат в обществе, тем самым выступая как факторы, заслуживающие серьезного изучения, тем более и особенно – в их взаимосвязи.

Исследования показывают существенные различия в отношении к политике перераспределения не только между индивидами, но и на межстрановом уровне. Что формирует это отношение? Почему одни люди поддерживают политику перераспределения, а другие выступают против нее? С чем связана межстрановая вариация в запросе на перераспределение доходов?

Научная литература предоставляет широкий спектр объяснений этой вариации, связанных как с объективными условиями, так и субъективными представлениями людей. Здесь и фактическое неравенство, и восприятие неравенства, и социальная мобильность, и массовые представления о справедливости, и культурно-исторические особенности, и институциональная среда, и влияние СМИ и т.д. [Alesina and Guliano, 2013 ; Alesina, Fuchs-Schundeln, 2007; Guliano, Spilimbergo, 2011; Sen, 2000 ; Alesina and Angeletos, 2005; Easterly, 2007; Alesina, La Ferrara , 2005].

Одно из популярных объяснений опирается на то, что в мобильном обществе люди более терпимы к неравенству и менее склонны требовать перераспределения от богатых к бедным. Согласно известной гипотезе А. Хиршмана о «туннельном эффекте», это происходит из-за того, что рациональные индивиды, получающие сигналы о восходящей мобильности других, проецируют их на себя, ожидая улучшения собственного положения

¹ Данное исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

[Hirschman A., Rothschild, 1973]. Различные интерпретации “туннельного эффекта”, объясняющего отношение людей к перераспределению доходов через перспективы их восходящей мобильности, широко представлены в научной литературе [Ravallion and Lokshin, 2002; Alesina and La Ferrara, 2005; Piketty, 2005; Benabou and Ok, 2001; Гимпельсон, Монусова, 2014].

Большинство исследователей рассматривают влияние на перераспределительные настроения населения в основном субъективного восприятия мобильности. Однако перемещения между социальными позициями (социальную мобильность) можно зафиксировать как с помощью объективных показателей, которые не зависят от сознания индивида, так и с помощью субъективных оценок. При этом исследования показывают, что измерения фактических социальных перемещений и их восприятия не всегда и не везде совпадают [Монусова, 2016].

Цель данной работы – опираясь на данные международных обследований, объяснить различия в перераспределительных настроениях населения с помощью социальной мобильности, рассматривая одновременно обе ее ипостаси – и объективную, и субъективную.

Анализ организован вокруг предположения, что *запрос на перераспределение доходов формируется в большей мере восприятием мобильности, чем фактическими изменениями социально-экономических позиций людей.*

Данные и методы

Исследование связи различных проявлений мобильности и перераспределительных настроений предполагает наличие данных о фактических изменениях социально-экономических статусов индивидов, о восприятии этих изменений самими индивидами и отношении к перераспределению. Таким источником информации являются данные опросов в рамках Международной программы социальных обследований (ISSP). В 2009 году центральной темой этих опросов была проблема социального неравенства (модуль «Social Inequality»)².

Переменные. Анкета «Social Inequality» содержит информацию, которая позволяет построить индекс объективной социальной мобильности и индекс субъективной социальной мобильности и соответственно, сравнить фактические социально-профессиональные статусы разных поколений и их субъективные оценки респондентом.

² <http://www.issp.org/documents/issp>

Индекс объективной социальной мобильности (ИОСМ)- разность между статусной профессиональной позицией детей и позицией родителей. Статусные группы можно выделить двумя способами.

1. Профессии переводятся в группы EGP (R.Ericson, J.Goldthorpe, L.Portocarero, 1979) в соответствии с методикой в (Ganzeboom, De Graaf, Treiman, 1992). Выделяется 7 групп, где на наиболее низкой социальной позиции находится «физический труд в сельском хозяйстве», а на самой высокой - «высококвалифицированные профессионалы и высокостатусные руководители, чиновники и топ-менеджеры». По этой схеме социальная мобильность (*mob_1*) меняется от -6 до +6. Если $mob_1 > 0$, то мобильность является восходящей, в противном случае, нисходящей [Монусова, 2016].
2. Более детальная классификация профессий как социально-экономических статусов была предложена Ганзебумом, Де Граафом и Трейманом. На основе стандартной классификации профессий ИСКО (ISCO)³ они разработали Международный Социально-экономический индекс профессионального статуса (Socioeconomic Index of Occupational Status или International Socio-economic index (ISEI)), позволяющий сравнивать социальную мобильность как межпоколенную, так и на протяжении индивидуального жизненного пути. Каждой профессии присваивается определённый балл, который учитывает престиж профессии, необходимое образование и заработок. Все профессии проранжированы по этому индексу. Наиболее высокие баллы (85-90) получили высококвалифицированные профессионалы в области юриспруденции и медицины (судьи, адвокаты, врачи и т.п). Самый низкий балл (16) присвоен элементарным профессиям, не требующим никаких навыков (уборщики помещений, сельскохозяйственные рабочие и т.п.). Сравнивая профессию респондента на момент опроса с профессией родителей можно определить его социальную мобильность [Ganzeboom, De Graaf, Treiman, 1992]. Сравнение проводится методом вычитания балла профессии родителей из балла, присуждённого профессии респондента. Величина разности свидетельствует о том, насколько далеко переместился статус респондента по отношению к статусу отца (дистанция перемещения), а знак – о типе мобильности («+»-восходящая, «-» – нисходящая). Обозначим эту разницу как индекс социально-экономических изменений ИСЭИ или *mob_2*.

Индекс субъективной социальной мобильности (ИССМ) рассчитывается исходя из ответов респондентов на два вопроса. Первый вопрос звучит так: «*В нашем обществе есть люди, которые занимают более высокое общественное положение, а есть, которые*

³ International Standard Classification of Occupations (ISCO-88), <http://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/>

– более низкое. Ниже дана шкала. Не могли бы Вы показать свое положение по этой шкале?». Второй сформулирован следующим образом: «А где на этой шкале находилась семья, в которой Вы выросли?». Для ответа на оба вопроса предлагается 10-балльная шкала, где 10 означает самое высокое положение, а 1 – самое низкое. Разница в ответах на них характеризует оценку изменения в социальном положении респондента по отношению к своим родителям. Масштаб мобильности зависит от абсолютной величины, которая может меняться в диапазоне от -9 до +9.

Данные позволяют измерить и отношение к перераспределению доходов. Согласие/несогласие людей с тем, что государство должно сокращать разрывы в доходах, то есть перераспределять доходы, свидетельствует об уровне перераспределительных настроений, который мы обозначим как запрос на перераспределение доходов.

Запрос на перераспределение доходов: простые межстрановые сравнения

Рис.1 демонстрирует значительную межстрановую вариацию в отношении к перераспределению доходов. Если в России, во Франции, в Украине, в Венгрии каждый второй респондент говорит об острой необходимости перераспределения доходов на уровне государства, то в США и в Норвегии такого мнения придерживается менее 10% опрошенных. Нужно иметь в виду, что низкий уровень перераспределения могут поддерживать как те, кто выступает против перераспределения в принципе, так и те, кто считает, что действующие высокие налоги в стране снижают уровень неравенства до приемлемого [Farina , Grimalda, 2011. P.3].

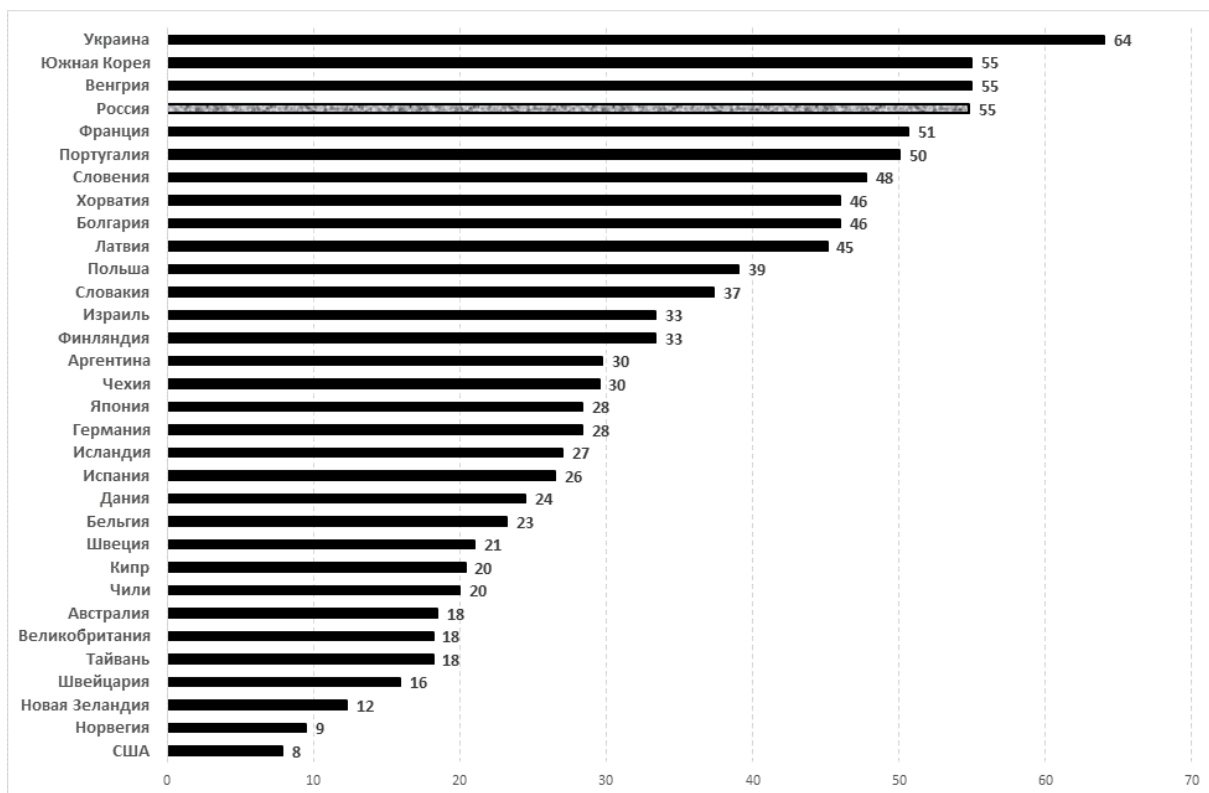

Рис. 1. Доля полностью согласных с тем, что государство должно сокращать разрывы, %

Что определяет отношение к перераспределению доходов? С чем связана межстрановая вариация?

Согласно теореме медианного избирателя [Meltzer, Richard, 1981] желание перераспределения доходов зависит прежде всего от фактического неравенства в стране. Можно ожидать, что в тех странах, где оно выше, люди будут более склонны считать наблюдаемую ими дифференциацию чрезмерной и требовать от своего правительства различных перераспределительных мер, направленных на ее сокращение за счет прогрессивной налоговой нагрузки на высокодоходные группы.

На рис. 2 разные страны размещены в пространстве двух осей: фактического уровня неравенства (по горизонтали), измеряемого коэффициентом Джини, и той части населения (по вертикали), которая полностью согласна с тем, что государство должно сокращать разрывы. Согласно рисунку, связь между этими показателями не прослеживается.

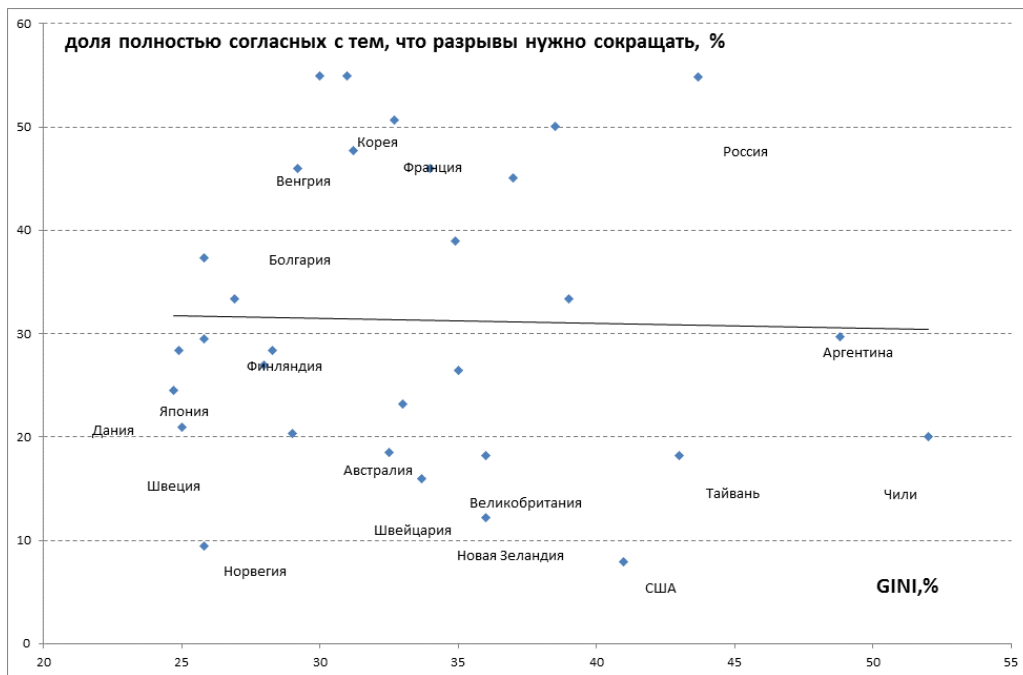

Рис.2. Доля полностью согласных с тем, что разрывы в доходах слишком большие, и коэффициент Джини (после налогообложения)
 Источник: SWIID 2010, ISSP.

Что же формирует перераспределительные настроения?

Одной из наиболее известных является гипотеза А. Хиршмана⁴ о том, что в мобильном обществе люди более терпимы к неравенству и, как следствие, менее склонны требовать перераспределения от богатых к бедным. Большой поток литературы обращен именно в эту сторону. Возникает вопрос, что такое мобильное общество в связи с запросом на перераспределение? Это реальная мобильность или представления людей о своих перемещениях и социальной мобильности?

Рис.3 показывает, как располагаются страны в пространстве индекса объективной мобильности, рассчитанного по укрупнённым профессиональным группам (mob_1), и запроса на перераспределение доходов. Связь между этими показателями отсутствует. К примеру, во Франции и в Норвегии при одинаковых индексах фактической мобильности доли тех, кто полностью согласен с тем, что государство должно сокращать разрывы в доходах, существенно различаются. То же самое можно сказать и о Венгрии и США: мы наблюдаем одинаковую межпоколенную мобильность и совершенно разные перераспределительные настроения.

⁴ “Предположим, что я еду в двухполосном туннеле (обе полосы идут в одном направлении) и попадаю в серьезную пробку. Насколько можно видеть, ни одна машина не движется ни на моей полосе, ни на соседней. Я чувствую себя подавленным. Через какое-то время машины на соседней полосе начинают движение. Мое настроение улучшается, так как я понимаю, что пробка начинает рассасываться, и, хотя на моей полосе все по-прежнему стоят, мне ясно, что скоро начну двигаться и я. Я чувствую себя намного лучше, так как ожидаю, что очень скоро смогу продолжить движение” [Hirschman, Rothschild, 1973.P.545].

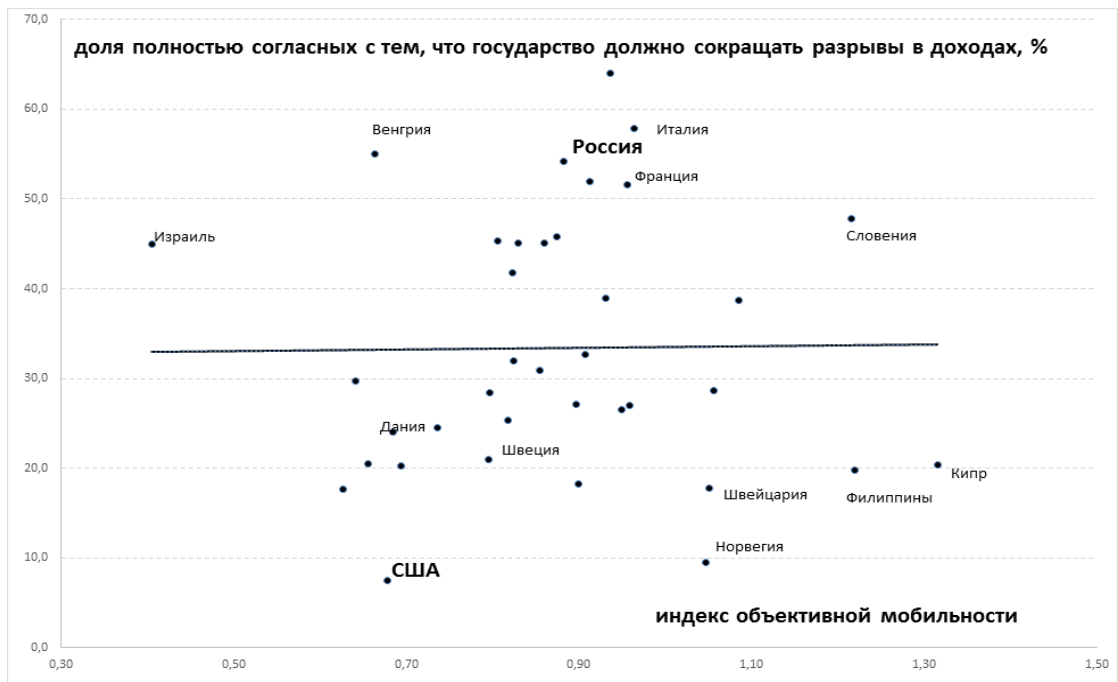

Рис.3 Доля полностью согласных с тем, что разрывы в доходах нужно сокращать, и индекс объективной социальной мобильности (**mob_1**)
 Источник: ISSP-2009.

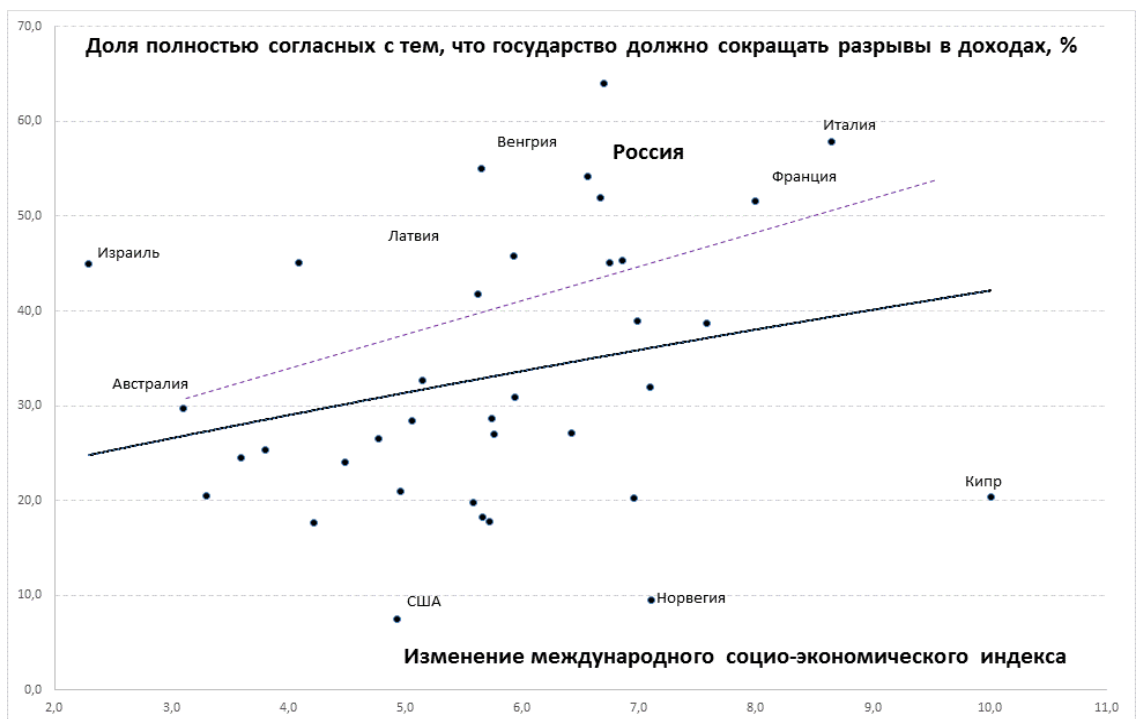

Рис.4 Доля полностью согласных с тем, что разрывы в доходах нужно сокращать, и изменение социально-экономического индекса (**mob-2**)
 Источник: ISSP-2009.

Более выраженный тренд мы наблюдаем в случае изменения социально-экономического индекса (**mob_2**), рассчитанного по более детальной классификации. Тем не менее, статистические зависимости проявляются очень слабо или, как и в предыдущем

случае, вовсе отсутствуют. Причём эти зависимости легко меняются по мере исключения или добавления тех или иных стран.

В целом можно сказать, что связь объективной мобильности и отношения к перераспределению доходов выглядит неустойчивой и противоречивой.

Посмотрим теперь на соотношение индекса субъективной мобильности и запроса на перераспределения. Рис. 4 иллюстрирует совершенно другую картину, непохожую на ту, что была на предыдущих рисунках. Мы наблюдаем очевидную обратную зависимость: чем выше агрегированный индекс мобильности в стране, тем ниже доля сторонников “передела”. Если индивид рассматривает динамику своей позиции как восходящую мобильность по сравнению с родительскими позициями, то с высокой долей вероятности его терпимость к неравенству будет выше, чем у тех, кто считает свою мобильность нисходящей. Этот эффект наблюдается как на индивидуальном, так и на страновом уровне, и он достаточно устойчив при любом изменении выборки стран.

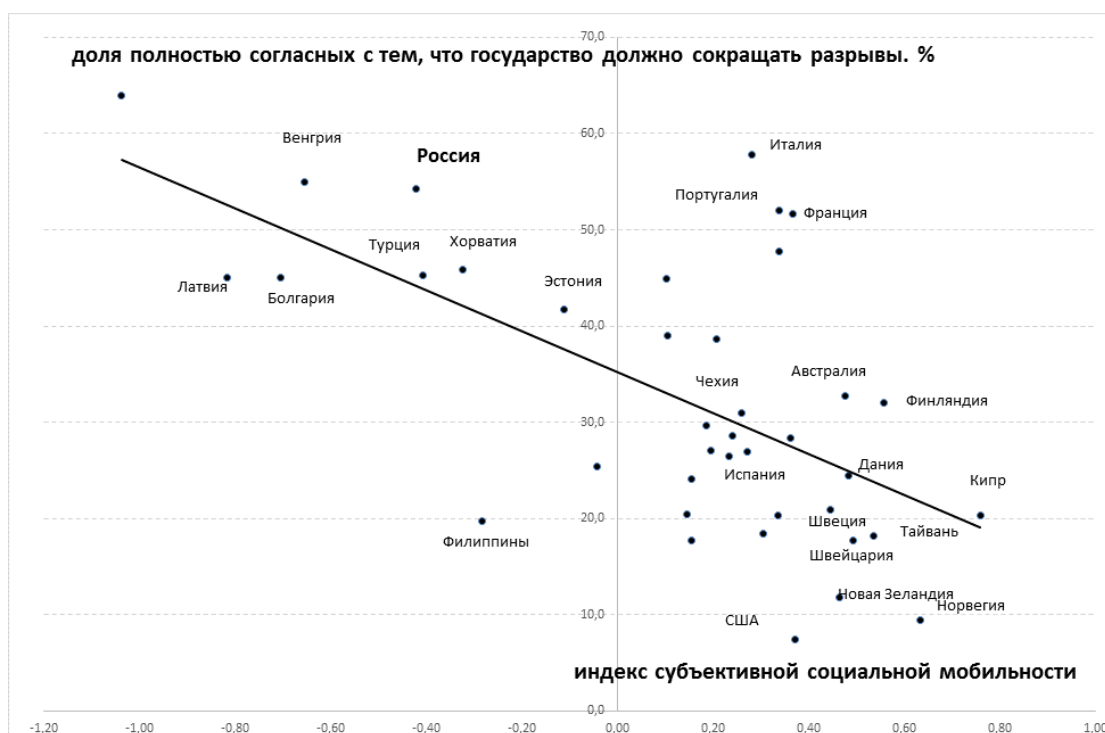

Рис. 4. Доля полностью согласных с тем, что государство должно сокращать разрывы в доходах и индекс субъективной социальной мобильности
Источник: ISSP-2009.

Итак, на страновом уровне субъективная социальная мобильность в отличие от фактической демонстрирует более заметную связь с отношением к перераспределению. Чем более благоприятными кажутся перспективы социальной мобильности, тем люди в меньшей степени требуют перераспределения доходов.

Что показывает эконометрический анализ?

Результаты простого корреляционного анализа зависимости протестируем с помощью многоуровневого линейного регрессионного анализа.

Зависимой переменной является запрос на перераспределение доходов⁵. Независимые переменные на *индивидуальном уровне* характеризуют каждого из респондентов, независимые переменные на уровне *стран* — каждую из рассматриваемых стран. На индивидуальном уровне тестируется влияние объективной и субъективной мобильностей. Причём влияние объективной мобильности проверяется с помощью двух индексов, рассчитанных по различным методикам (между укрупнёнными группами - *mob_1* и между более дифференцированными - *mob_2*).

На *индивидуальном уровне* контролируются: демографические характеристики, место работы респондента и доход, характеристики родительской семьи (место работы отца, культурная среда, показателем которой выступает размер библиотеки в семье родителей, т.е. количество книг). Среди *страновых характеристик* для включения в регрессионную модель был выбран контроль коррупции, поскольку он наиболее тесно связан с индексом субъективной мобильности [Монусова, 2016], и коэффициент Джини, отражающий фактическое неравенство в стране.

Результаты представлены в Таблице 1, все модели статистически значимы.

Таблица 1. Коэффициенты многоуровневых линейных регрессий; зависимая переменная — запрос на перераспределение

	Запрос на перераспределение – 5-полностью согласен, 1- совершенно не согласен		
	<i>Модель 1</i>	<i>Модель 2</i>	<i>Модель 3</i>
<i>Эффекты индивидуального уровня</i>			
<i>Пол</i> (1 — мужской, 0 — женский)	-0,09***	-0,10***	-0,09***
<i>Возраст</i>	Референтная группа – возраст до 30 лет		
30–49 лет	0,02	0,02	0,02
от 50 лет и выше	-0,02	-0,005	-0,02
<i>Наличие семьи</i>	-0,005	-0,01	-0,01
<i>Наличие третичного образования</i>	-0,15***	-0,15***	-0,15***
<i>Место работы респондента</i>	Референтная группа-занятость в частном секторе		
Госсектор	0,12***	0,10***	0,12***

⁵ Ответ на вопрос: «Государство должно сокращать разрывы в доходах населения». 5- полностью согласен, 1- совершенно не согласен

Самозанятость	-0,12***	-0,11***	-0,11***
<i>Статус на рынке труда</i>	Референтная группа- занятые		
безработные	0,05**	0,06**	0,06**
незанятые	0,02	0,02	0,01
<i>Квинтильные группы по доходу</i>	Референтная группа - 1-ый квинтиль, самый низкий доход		
2	-0,06***	-0,06***	-0,05***
3	-0,09***	-0,08***	-0,09***
4	-0,21***	-0,21***	-0,21***
5 (наиболее высокий)	-0,41***	-0,40***	-0,44***
<i>Размер семьи респондента</i>	0,02***	0,02***	0,03***
<i>Размер библиотеки в семье, где рос респондент</i>	-0,07***	-0,07***	-0,07***
<i>Образование доступно для всех (мнение респондента), 1-да, 0-нет</i>	-0,14***	-0,13***	-0,13***
Объективная мобильность-тов_1		-0,0001	
Объективная мобильность-тов_2	-0,001***		
Субъективная мобильность	-0,02***	-0,02***	-0,02***
Эффекты странового уровня			
<i>Противодействие коррупции</i>	-0,30***	-0,30***	-0,31***
<i>Джини</i>	-0,004	-0,004	-0,006
Константа	4,8***	4,78***	4,83***
Общие характеристики модели			
Остаточная страновая дисперсия	0,08	0,08	0,09
Остаточная индивидуальная дисперсия	0,98	0,98	0,99
ICC	0,15	0,15	0,15
N (респондентов)	27049	26900	29700
N (стран)	37	37	37

Примечания: 1) * - $p < 0,1$; ** - $p < 0,05$; *** - $p < 0,01$

Регрессионный анализ показывает устойчивую обратную связь восприятия мобильности и запроса на перераспределение. Если индивид рассматривает динамику своей позиции как восходящую мобильность по сравнению с родительскими позициями, то с высокой долей вероятности его желание перераспределения будет меньше, чем у тех, кто считает свою мобильность нисходящей. Этот эффект наблюдается как на индивидуальном, так и на страновом уровне. Влияние объективной мобильности на перераспределительные настроения в целом на всей выборке неоднозначно и зависит от применяемого индекса: мобильность между крупными профессиональными группами не показывает значимого воздействия на отношения к перераспределению, но более дифференцируемый подход демонстрирует наличие статистически значимой обратной связи. Повышение социально-экономического индекса у респондента по сравнению с профессиональной деятельностью родителей снижает запрос на перераспределение доходов. Однако связь субъективной мобильности и запроса на перераспределение

доходов и здесь проявляется более сильно, чем влияние фактических изменений социально-экономических позиций.

В данной работе предпринята попытка показать связь между запросом индивидов на перераспределение доходов и социальной мобильностью в обществе, измеряемой с помощью как объективных так и субъективных оценок.

Результаты показывают, что в странах с интенсивной социальной мобильностью люди менее склонны требовать перераспределения. Причём субъективная мобильность демонстрирует более тесные связи, чем реальные перемещения. Почему? Здесь могут быть разные объяснения.

Прежде всего, восприятие мобильности не всегда отражает реальное изменение статусных позиций. Зачастую фактическую восходящую мобильность люди не воспринимают как таковую. Восприятие мобильности во многом определяется доступностью механизмов, ведущих к благополучию. Пути к успеху могут быть меритократические (труд и собственное образование), статусные (богатая семья, наличие высокообразованных родителей, “полезные” связи) или коррупционные (взятки). И крайне важно, чтобы механизмы мобильности в обществе соответствовали представлениям людей о справедливости. Это соответствие способствует адекватному восприятию мобильности, что, в свою очередь, может легитимизировать фактическое неравенство в глазах населения. Если доминирующие «инструменты успеха» в глазах легитимны и справедливы, то люди воспринимают свою мобильность как восходящую и готовы принять даже значительное неравенство и не требовать перераспределения. В этом же направлении действует и степень коррумпированности общества. Если индивид верит, что ожидаемая восходящая мобильность соответствует его суждениям о справедливости и возможно продвижение за счет собственных усилий, иными словами человек ощущает равенство возможностей, то запрос на перераспределение заметно снижается. Напротив, в условиях восходящего движения за счет подкупа и “полезных” связей люди требуют перераспределения доходов, считая правила игры несправедливыми. Желание перераспределить связано с неравенством возможностей!

Итак, реальные социальные перемещения преломляются в нашем сознании в субъективные оценки мобильности и, возможно, только затем трансформируются в желание перераспределить доходы в обществе. Нельзя исключать, что перераспределительные настроения в обществе напрямую, а не через восприятие мобильности, зависят от возможностей достижения успеха, от степени

коррупционности общества. И восприятие мобильности, и отношение к перераспределению доходов независимо друг от друга могут зависеть от качества государственного управления и институциональной среды.

Но как бы механизмы ни действовали, запрос индивида на перераспределение доходов в любом случае более тесно связан с восприятием своей мобильности, чем с реальным изменением статусных позиций в обществе.

Список литературы

- Гимпельсон В., Монусова Г. Восприятие неравенства и социальная мобильность// Экономический журнал ВШЭ, 2014, № 2, сс. 216-248.
- Монусова Г.А. Объективная и субъективная социальная мобильность в межстрановой перспективе // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2016.– № 3-4. – С.52-71
- Alesina A., Angeletos G.M. Fairness and Redistribution// American Economic Review, 2005, no. 4, pp. 960-980
- Alesina A., La Ferrara E. Preferences for Redistribution in the Land of Opportunities//Journal of Public Economics, 2005, no. 87, pp. 897-931;
- Alesina A., Giuliano P. Preferences for Redistribution. Handbook of Social Economics, 2011, vol. 1A, Elsevier, North Holland, pp. 93-131.P.97
- Benabou R., Ok E. Social Mobility and Demand for Redistribution: the POUM Hypothesis// The Quarterly Journal of Economics, 2001, no. 2, pp. 447-487;
- Erikson, R., J. Goldthorpe, L. Portocarero.. "Intergenerational class mobility in three western European societies." //British Journal of Sociology, 1979, 30:415-41.
- Farina F., Grimalda G. A Cross-country Experimental Comparison of Preferences for Redistribution. Department of Economic Policy, Finance and Development (DEPFID), University of Siena Working Paper, 2011, no. 2.
- Ganzeboom H., De Graaf P., Treiman D. A Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status // Social Science Research. 1992. Vol. 21.
- Guliano P., Spilimbergo A. Growing Up in Recession: Beliefs and the Macroeconomy. NBER Working Paper, 2009, no. 15321.
- Hirschman A., Rothschild M. The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development.// *The Quarterly Journal of Economics*, 1973, no. 4, pp. 544-566.
- Meltzer A., Richard S. A Rational Theory of the Size of Government// Journal of Political Economy, 1981, no. 5, pp. 914-927

Piketty T. Social Mobility and Redistributive Politics.//The Quarterly Journal of Economics, 1995, no. 3, pp.551-584.

Ravallion M., Lokshin M. Who Wants to Redistribute? The Tunnel Effect in 1990s Russia// Journal of Public Economics, 2000, no. 76, pp. 87-104;